

РАСКОЛЫ В ПОСТСОВЕТСКИХ МОДЕЛЯХ НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВА И ИХ ВЛИЯНИЕ НА СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ: УКРАИНСКИЙ КЕЙС

Г. В. Черникова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 4 октября 2021 г.

Аннотация: *статья посвящена исследованию особенностей, тенденций и форм развития украинской модели нациестроительства. Представлен обзор актуальных исследований по обозначенной проблематике сквозь призму междисциплинарного подхода. Отмечается востребованность реалистической парадигмы в восприятии и оценке украинского проекта нациестроительства, свойственных ему конфликтных кливажей (расколов). Автор обращает внимание на факторы формирования кливажей и необходимые условия их преодоления.*

Ключевые слова: *Украина, модели нациестроительства, конфликт, раскол.*

Abstract: *the article is devoted to the study of the features, trends and forms of development of the Ukrainian model of nation-building. An overview of current research on the identified problems is presented through the prism of an interdisciplinary approach. There is a demand for a realistic paradigm in the perception and assessment of the Ukrainian nation-building project and the conflict cleavages (splits) inherent in it. The author draws attention to the factors of the formation of these conflict situations and the necessary conditions for overcoming them.*

Key words: *Ukraine, models of nation-building, conflict, split.*

Исторически сложившиеся и возникающие новые размежевания и расколы внутри современных обществ во многом определяют их социально-политическое развитие, а также развитие отношений с иными государственными образованиями. С одной стороны, они выступают необходимой предпосылкой развития политических систем, без которой невозможно представить культурно-цивилизационное многообразие как внутри отдельных обществ, так и на международном уровне. Это многообразие формирует внутреннюю и внешнюю конкуренцию, выступающую двигателем эволюционного усложнения социальных структур [1, с. 24–25]. С другой стороны, ярко выраженные расколы могут стать фактором роста конфликтного потенциала и возникновения кумулятивного эффекта, преодоление которых сопряжено с большими трудностями.

Украинский кейс представляет особый интерес ярко выраженной расколотостью по различным основаниям и их недостаточной изученностью. Показательна в этом отношении реплика ректора МГИМО МИД России А. Торкунова: «Нельзя не признать, что наши знания об Украине, наше понимание происходящих в этой стране процессов были решительно

недостаточными. Мы, российское академическое сообщество, были склонны полагать, что сама по себе культурная и духовная близость между нашими странами дает нам достаточное понимание соседней страны. Это было нашей ошибкой. И, к сожалению, одним из факторов нынешнего кризиса в российско-украинских отношениях» [2, с. 10].

Данное признание представителя отечественного академического сообщества можно трактовать как свидетельство по меньшей мере дефицита качественной экспертизы в направлении изучения украинского общества, перспектив развития российско-украинских отношений. Видимо, по причине среди прочего невостребованности этой экспертизы со стороны руководства России. Длительный вакуум знаний и дискуссий об Украине отмечают и западные аналитики [3]. При этом их видение трансформационных сложностей Украины, в том числе связанных с национальным и государственным развитием, нередко отличается конъюнктурным акцентированием внимания на внешнем факторе, связанном с Россией, ее негативным влиянием в виде «непрерывной и многомерной “гибридной войны” против Киева», стремления навязать собственную антилиберальную модель государственного устройства и т. д. [там же]. Отечественные авторы, напротив, негативное влияние внешнего фактора на Украину склонны связывать

прежде всего с США и ЕС, правящие элиты которых стремятся «всеми средствами навязать свои ценности и “правила игры” всем незападным обществам» [1, с. 29]. Отсюда в логике многих российских аналитиков проистекают инициированные извне «цветные революции», в том числе «оранжевая» революция 2004 г. и революция Евромайдана (или Революция Достоинства) 2013–2014 гг. в Украине [2, с. 162].

Таким образом, признание значимости внешнего фактора в формировании украинской модели национализма объединяет западных и отечественных авторов.

Анализ исторически сложившихся и формирующихся новых расколов на Украине, а также обуславливающих их факторов важен для понимания их роли в современных политических процессах и, прежде всего, процессах, связанных с формированием современной консолидирующей территориальное сообщество нации и укреплением институтов государства. В статье представлен обзор актуальных исследований, посвященных обозначенной проблематике, сквозь призму междисциплинарного подхода, опирающегося, прежде всего, на социокультурную и институциональную парадигмы.

Одной из реперных точек анализа украинского кейса национализма в ракурсе социокультурного и связанного с ним геокультурного и геополитического подходов выступает характеристика Украины как культурно-цивилизационного и политического образования, находящегося между Западом и Востоком, Европой и Азией, т. е. на границе культурных ареалов между различными цивилизациями и на пересечении геополитических интересов крупных игроков [1]. Именно здесь, согласно концепции известного американского политолога С. Хантингтона, происходят столкновения разных систем ценностей, разных культурно-цивилизационных идентичностей, разных мировоззрений и взглядов на способы и перспективы развития общества [4]. При этом многие аналитики сходятся во мнении, что столкновения происходят не только между обществами, принадлежащими к разным цивилизациям, но и между различными социально-демографическими, этническими и другими группами внутри одного и того же общества, порождая социально-политическую дестабилизацию на международном и национальном уровнях. Так, С. Липсет и С. Роккан выделили и описали в качестве основных такие разделительные линии внутри обществ, как государство – церковь, центр – периферия, город – деревня, собственники – рабочие и др. [5]. Эти размежевания сохраняются и сегодня. Однако к настоящему времени исследователи справедливо обращают внимание на появление новых разграничительных линий, связанных с процессами глобальной дестабилизации и регионализа-

ции, а также с кризисом, обусловленным пандемией COVID-19 и иными факторами [1].

Указанные и иные теоретические установки вполне релевантны в случае с украинской моделью национализма, формирующейся на протяжении последних трех десятилетий с момента обретения Украиной независимости. Большинство исследователей сходятся в обозначении нескольких ее базовых особенностей.

1. Дефицит практического опыта государственности. Предшествующий постсоветскому периоду опыт украинской государственности сводился к существованию в качестве союзной республики единой советской державы, что, по меткому замечанию ряда исследователей, следует рассматривать, скорее, как опыт квазигосударственности [6, с. 57]. «При этом важнейшим ресурсом национализма, способным обеспечить формирование устойчивых оснований новой государственности, оказался ресурс культурно-цивилизационный и этнокультурный (“капитализирующий” отторжение как советского прошлого, так и всего русского и российского, – *de facto* атрибутов “титальной нации” советского периода). В итоге “...в силу ментальной инерции и влияния этнического национализма” Украина трудно продвигается от концепта этнонации к концепту гражданской нации» [там же].

2. Исторически обусловленный полицентризм социокультурной (включая этническую, языковую, религиозную и иные составляющие), экономической и политической систем Украины. К моменту распада СССР Советская Украина представляла собой лоскутное образование из регионов, которые были окончательно собраны в единое целое только в 1954 г. (после передачи в состав УССР Крыма) [2, с. 159]. Причем, как замечают В. Пантин и В. Лапкин, история «сложения» полиэтнических сообществ в Украине и других постсоветских странах отнюдь не сводилась исключительно к миграционным процессам советского периода, а многие этнические меньшинства являлись автохтонными [7, с. 100].

3. Устойчиво воспроизводящееся на протяжении практически всех лет независимого существования Украины региональное размежевание по линии «Восток – Запад», которое также имеет исторически сложившуюся природу, а также его переплетение с социокультурными (в том числе межэтническими, межконфессиональными и др.), электоральными и иными расколами и связанными с ними разными системами ценностей. Региональное размежевание изначально выступало и по-прежнему является наиболее существенным дифференцирующим фактором самоидентификации украинского населения, его геополитических предпочтений, настроений, ценностей. Так, наиболее распространены русская культура, в

том числе язык, пророссийские настроения на Юге и Востоке Украины, тогда как на Западе и в Центре в большей степени выражены ценности этнического украинского национализма, прозападные культурные и социально-политические ориентации и установки существенно преобладают над пророссийскими [1, с. 35].

Схожий ценностный раскол внутри политико-экономических украинских элит отмечают и другие исследователи (А. Ермолаев, Е. Минченко) [8]. Они считают, что в отношении видения развития страны за годы независимости получили апробацию элементы двух конкурирующих проектов. Первый из них, глобалистский, предполагающий «растворение в Западе», вступление в НАТО и ЕС, ослабление позиций олигархических кланов, в том числе через привлечение в страну иностранного, в первую очередь американского, капитала и др. Другой вариант, инновационно-транзитный, делает акцент на государственной поддержке конкурентоспособных кластеров экономики, образовательной сферы и инновационных разработок; исходит из ставки на использование выгодного транзитного положения Украины и активную игру на внешних рынках, а также предполагает внешнеполитический нейтралитет, частичную интернационализацию корпоративных активов и привлечение в «долю» транснациональных компаний как европейского, так и российского происхождения, включение в международное разделение труда с максимальным использованием промышленного потенциала страны [там же].

4. Относительно высокая степень общественно-политической нестабильности. Эта нестабильность проявляется прежде всего в революционных волнах. Так, по мнению А. Ермолаева, трижды современную Украину сотрясали массовые революционные процессы (1993, 2004, 2013–2014), в ходе которых украинское общество ставило ультиматум правящей элите, требуя справедливости, свободы, социального мира [9]. Благоприятной почвой для общественно-политической нестабильности украинской политической системы является и отсутствие качественного рывка в повышении уровня жизни ее граждан. Декларируя необходимость модернизации, движения в сторону инновационного пути развития, украинская властвующая элита на практике пока не смогла добиться существенных изменений в социально-экономической сфере.

5. Структурным фактором внутривнутриполитической динамики украинской модели нациестроительства выступает, прежде всего, борьба устойчивых элитных групп (олигархических кланов), обладающих своей экономической и региональной базой, за ресурсы в сочетании с готовностью приветствовать вовлечение внешних игроков в украинскую политику и получать

дивиденды от этой вовлеченности. В совокупности эта особенность, по мнению ряда авторов, не позволила политическому классу Украины достичь консенсуса в том, что является национальными интересами страны [2, с. 42; 9]. «В отсутствие этого главного вывода оказалось невозможным выработать долгосрочную стратегию развития с опорой на защиту суверенитета от внешнего вмешательства», – заключает А. Сушенцов [2, с. 42].

Перечисленные характеристики не исчерпывают описание всех присущих украинской модели национального государственного строительства особенностей. Очевидно, однако, что их совокупность выступила определяющим фактором, существенно осложнившим решение задач, связанных с формированием устойчивой общегражданской лояльности, упрочением государственно-гражданской идентичности, сглаживанием региональных и культурных различий и т. д. При этом за весь постсоветский период независимого существования в формате украинской Республики качественным образом различались подходы правящих элит к решению этих задач. Их можно свести к двум разновидностям/моделям, сочетание которых определяло содержательный характер политики национального государственного строительства.

Первая модель – гражданская, или инклюзивная. Ее еще называют моделью «государственников» или «моделью Кучмы», так как основные ее черты сложились при втором президенте Украины Л. Кучме. Среди ее приоритетов выступало сохранение большого постсоветского наследия: территории, геоэкономических связей между западом и востоком внутри страны и за ее пределами, а также населения [там же, с. 97]. Огромную роль в ней играли интересы сложных сфер хозяйственной деятельности и полиэтнического общества. В институциональном контексте это проявлялось в росте общественных объединений, создании прорывных направлений, связанных с организацией капитала (крупные национальные компании «Енергоатом», «Нафтогаз України» и др.); участии украинских предприятий по производству ракетно-космической техники в программе «Sea Launch» и др. [10].

Сложившейся формулой управления страной в рамках данной модели являлось балансирование между элитными группами (или региональными олигархическими кланами) и ведущими мировыми центрами силы [2, с. 162].

Сторонники рассматриваемой модели нациестроительства поддерживали уступки по национальному вопросу, отвергали радикальную идеологию, предлагая вместо нее вариант, основанный на общности национальных интересов и необходимости проводить сбалансированную политику в области культуры,

исторической памяти и языка. В рамках рассматриваемой модели наблюдалось сосуществование советского исторического нарратива, соответствующего символического наследия с националистическим историческим нарративом и символами независимой Украины.

Большинство нынешних «государственников» являются членами «Оппозиционного блока», а также представлены в числе сторонников П. Порошенко. Полагая, что Украина должна сохранить нейтральный статус и твердо отстаивать собственный суверенитет, чтобы обеспечить целостность государства, апологеты инклюзивной модели нациестроительства в ходе событий Евромайдана 2013–2014 гг. заявляли о необходимости сдерживания радикализации, чтобы предупредить отделение Крыма. К сожалению, отмечают эксперты, в настоящее время они находятся в абсолютном меньшинстве [там же, с. 97].

Главным достоинством указанной модели было то, что, несмотря на противостояние элитных групп, правящей элите удавалось сохранить минимальные условия для политического диалога и выработки компромисса, необходимые для сохранения территориальной целостности, политической устойчивости Украины.

Вторая модель, заявившая о себе в ходе событий украинского кризиса 2013–2014 гг., сопровождавшегося присоединением Крыма к России и войной на Донбассе, – этноцентричная модель нациестроительства – отстаивает программу создания «Украины для украинцев». После событий, связанных с присоединением Крыма к России, ведущим олигархическим кланам удалось сформировать пакт элит на базе антироссийского консенсуса, следствием чего становится, среди прочего, использование Запада как внешнего стабилизатора украинской политической системы. «Балансирование между Россией и Западом оказалось ограничено очень небольшой амплитудой», – отмечает Е. Н. Минченко [там же, с. 171]. Внешнеполитическое и внутривластное позиционирование Украины в большей степени приобрело идеологическую окраску, чем это было в период до Евромайдана. Апологеты этноцентричной модели нациестроительства четко сфокусировались вокруг идеи борьбы с Россией и ее влиянием, представляют Украину как страну, сохраняющую приверженность курсу на интеграцию с ЕС, НАТО, находящуюся на острие конфронтации стран Запада с Россией. Маркерами процессов, ознаменовавших рассматриваемую модель нациестроительства, стали среди прочего агрессивная национал-патриотическая пропаганда; использование мифологии о возвращении в Европу; изменение вектора интеграционных приоритетов с «проевразийского» на «проевропейский»; рост поддержки вступления в НАТО; негативизация образа

России, восприятие русского языка как прямой угрозы процессу нациестроительства; вытеснение советского исторического нарратива и символического наследия националистическим [11, с. 141].

Триггером этих и других изменений выступила, прежде всего, борьба за ресурсы внутри украинских элит.

В период президентства П. Порошенко сторонники этнонациональной модели были наилучшим образом организованы, широко представлены в СМИ, воспринимая создавшуюся ситуацию как историческую возможность осуществить перезакладку украинской государственности на прозападных и антироссийских основаниях, и готовы пойти на радикальные меры вплоть до вытеснения, «поражения в правах» отказывающих им в поддержке слоев населения и исключения «чужеродных» территорий (в первую очередь Донецкой и Луганской областей) из состава Украины [2, с. 95].

Американский эксперт Т. Г. Карпендер, развенчивая распространенный в западных СМИ миф «об Украине как отважной демократической стране, смело отражающей агрессивные действия авторитарной России», напоминает о том, что вооруженные ультра националисты, наряду с националистическими партиями «Свобода» и «Правый Сектор», отыгравшие главную роль в ходе революции 2014 г., после нее продолжили быть волнующим элементом «новой, демократической Украины» [12].

Большинство исследователей сходятся во мнении, что инерция осуществления рассматриваемой модели нациестроительства присутствует в политике нынешней правящей элиты во главе с В. Зеленским [2, с. 372; 13–15]. Аргументом в пользу такого видения является его санкционная политика в отношении той части украинского политического спектра, которая позиционирует себя как антинационалистическая, антиглобалистская сила, выступающая за дружественные отношения с Россией [14]. Наряду с этим новый президент активизировал контакты с НАТО, продолжил курс своего предшественника на форсированную украинизацию и дерусификацию [16]. Авторитарный политический режим, механизмы «военно-бюрократического государства» сочетаются с высоким уровнем зависимости внутренних решений от внешнего влияния (прежде всего, США) [13; 16].

Оценивая **результаты** и следствия реализации рассматриваемой модели нациестроительства, исследователи отмечают их противоречивый характер.

1. Изменились состав, качество и мотивация политической элиты Украины. Прежде всего, выросло влияние генералитета Минобороны, Службы безопасности Украины (далее – СБУ) и Таможенной службы. СБУ, разведка, МВД и прокуратура, новые

антикоррупционные органы стали главными носителями государственного интереса. Крупный бизнес и предпринимательство в целом оказались под налоговой, административной и идеологической «пятой» милитаризированной бюрократии и политического менеджмента, который сохранял место и получал свою «долю» только при условии лояльности, исполнительности и «командной игры» [2, с. 173; 9].

2. Политика принуждения к этнонациональной унификации породила многочисленные и трудноразрешимые конфликты ввиду невозможности совмещения наиболее радикальных практик нациестроительства на моноэтнической основе с императивом сохранения межэтнического мира и гражданского нормативно-правового порядка.

3. В ходе реализации этноцентричной модели нациестроительства воплотилась стратегическая идея той части украинских элит, которая выступала за ослабление зависимости от России. Консолидация украинской политической элиты на основе антирусской идеологии делает все более маловероятной перспективу возвращения Донецка и Луганска в состав страны [2, с. 278].

4. Потеряв часть территорий юго-востока, социально-культурная структура Украины упростилась, политический ландшафт стал равномернее и до некоторой степени более спокойным. Ключевым ресурсом этой стабилизации и консолидации украинского общества выступило противостояние значимому Другому в лице России [6, с. 78; 13].

В то же время многие отечественные и украинские исследователи признают относительную степень эффективности консолидации украинского общества за счет исключения роли культурного кода русских и их коллективной памяти в исторической политике, языковой и иных сферах [17; 18]. Другими словами, пока рано говорить о полном преодолении социокультурной расколотости украинского общества, носящей региональный характер.

5. «Освобождение» от российского влияния не укрепило безопасность функционирования украинской государственности. В частности, в вопросе урегулирования конфликта в Донбассе правящая украинская элита по-прежнему критически зависит от партнеров и оппонентов. В логике США любые подвижки в направлении урегулирования на Донбассе нежелательны, поскольку размывают внутриукраинский антироссийский консенсус, который Вашингтон считает для себя выгодным [2, с. 276]. США готовы предоставлять Украине только такие гарантии, которые не предполагают эскалации на российском направлении [19].

В логике европейской безопасности развития Украина как партнер и сторонник европейских по-

литических традиций может и должна найти возможность сохранить стабильность своих границ даже ценой «модальностей», связанных с переговорами относительно особого статуса ДНР и ЛНР. Некоторые украинские аналитики в этой связи выражают обеспокоенность относительно того, что если правящая элита Украины не сможет справиться с этой задачей, возникнет новая политическая реальность с новыми государственными образованиями, новыми настроениями элит в них и новым кризисом геополитического порядка, связанного с риском радикального пересмотра границ [20]. Подобная обеспокоенность подогревается в том числе угрожающей риторикой правящей элиты России [21].

Помимо потери части территории, продолжающегося конфликта низкой эффективности на юго-востоке страны, вызовом для украинской модели государственности выступает кризисная модель социально-экономической и административной инфраструктуры (воспроизводящей ухудшение качества жизни подавляющей доли населения, способствующей падению показателей рождаемости и увеличению смертности, формированию мощных потоков внутренней и внешней миграции [15; 22]). Опасным следствием слабых украинских государственных институтов, не способных решить задачи повышения социально-экономической эффективности и укрепления внешнеполитической самостоятельности, является не просто консервирование сложившегося status quo в формате так называемой Малой Украины, а постепенное скатывание к положению зависимой провинции, ресурсы которой являются сырьем и источником для сложных международных цепочек разделения труда. «Украинская политическая элита мыслит и ведет себя как элита "маленькой страны", зависимой, слабой и униженной, оказавшейся в полшага от "добровольного (геополитического) колониализма" с правительством уровня доминиона», – отмечает украинский аналитик А. Ермолаев [13]. Возможно, эти и подобные им утверждения являются алармистскими, чрезмерно заостряющими геополитические и социально-экономические вызовы, стоящие перед нынешней Украиной. В то же время скрывающаяся за ними обеспокоенность складывающимися реалиями понятна, а призыв к исследованию устройства и функционирования украинской модели нациестроительства, стратегической культуры ее элит и т. п. способствует налаживанию прагматичных отношений с ней. Примером подобной позиции, выдержанной в духе реалистической парадигмы, выступает точка зрения Д. Тренина, предостерегающего отечественную правящую элиту на предмет возможной переориентации украинского проекта в направлении сближения с Россией: «Смысл украинского политического проекта – в отстранении, отмеже-

вании от России. ... Это дистанцирование может принимать разные формы: откровенные и брутальные, как сейчас, или скрытые и лицемерно-изживенческие, как это было во времена Кучмы и Януковича. Но суть остается неизменной. И от этого проекта украинская политическая элита и ее правящая верхушка не откажутся в ходе любых своих возможных ротаций. Независимость Украины в их глазах – это независимость от России» [18].

В заключении акцентируем внимание на востребованности подобной реалистической парадигмы в восприятии и оценке украинского проекта нациестроительства и необходимости ухода от связанных с ним мифологизированных представлений. Несомненно, перспективы развития этого проекта зависят от постепенного ослабления сохраняющихся расколов между социальными группами, отстаивающими ценности этнического национализма в сочетании с либерально-западническими ценностями и группами, придерживающимися полутрадиционных государственных и советско-ностальгических ценностей. Преодолению данных расколов могут способствовать отход от идеологии и практики этноцентризма в сторону формирования современной гражданской нации или инклюзивной модели нациестроительства. Подобная модель представляется органичной на фоне глобальных процессов, связанных с возвышением и усилением влияния незападных стран, т. е. с движением в сторону полицентричного мирового порядка. Еще одним триггером эволюции в сторону инклюзивной модели нациестроительства могло бы стать преодоление собственной социально-экономической отсталости путем запуска успешной национальной стратегии развития, которая отвечала бы современным глобальным и региональным тенденциям, современным технологическим, экологическим, пандемическим реалиям и вызовам. Это одинаково актуальная задача для большинства государственных образований постсоветского пространства и за его пределами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пантин В. И. Ценностные размежевания и расколы в современных обществах: влияние на социально-политическое развитие / В. И. Пантин // История и современность. – 2020. – № 3. – С. 23–41.
2. Украинский кризис : международное соперничество и пределы прочности государства / под ред. Н. Ю. Силаева и А. А. Сушенцова. – М. : Весь Мир, 2020. – 280 с. – URL: <https://disk.yandex.ru/i/pLDKIk-Kk-EWYg>
3. Умланд А. Трансформация Украины – вызовы и значение для Запада / А. Умланд, А. Хэртель // Европейская правда. – 2016. – 15 марта. – URL: <https://www.eurointegration.com.ua/rus/articles/2016/03/15/7046205>
4. Huntington S. P. The Clash of Civilizations And the Remaking of World Order / S. P. Huntington. – New York : Simon & Schuster, 1996. – 367 p.
5. Luncet С. Структуры размежеваний, партийные системы и предпочтения избирателей. Предварительные замечания (перевод) / С. Липсет, С. Роккан // Политическая наука. – 2004. – № 4. – С. 204–234.
6. Семененко И. С. Между государством и нацией : дилеммы политики идентичности на постсоветском пространстве / И. С. Семененко, В. В. Лапкин, А. Л. Бардин, В. И. Пантин // Полис. Политические исследования. – 2017. – № 5. – С. 54–78.
7. Пантин В. И. Трансформация национального государства в условиях меняющегося мирового порядка / В. И. Пантин, В. В. Лапкин // Мировая экономика и международные отношения. – 2019. – Т. 63, № 11. – С. 95–104.
8. Ермолаев А. Борьба кланов или конфликт стратегий : сценарии развития Украины / А. Ермолаев, Е. Минченко // Regnum. – 29.03.2006. – URL: <https://regnum.ru/news/polit/614561.html>
9. Ермолаев А. Судьба республики (политэкономия «пост-советских революций» в Украине) / А. Ермолаев // Strategic Group Sofia. – 2021. – Июль. – URL: <http://sg-sofia.com.ua/sudba-respubliki-politekonomia-postsovetsih-revoluzij-v-ukraine>
10. Ермолаев А. Недооцененные риски двух месяцев и очень сложная осень для Украины / А. Ермолаев // Ukrlife. – 20 января. – 2021. – URL: <http://www.ukrlife.tv/video/politika/andrei-ermolaev-nedootsennnye-riski-dvuh-mesiatsev-i-ochen-slozhnaia-osen-dlia-ukrainy>
11. Черникова Г. В. Интеграционные предпосылки россиян и украинцев в конце XX – начале XXI века : общее и особенное / Г. В. Черникова // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: История. Политология. Социология. – 2017. – № 2. – С. 138–141.
12. Carpenter T. G. Ukraine's Accelerating Slide into Authoritarianism / T. G. Carpenter // The National Interest. – May 30, 2021. – URL: <https://nationalinterest.org/blog/skeptics/ukraine%E2%80%99s-accelerating-slide-authoritarianism-186368>
13. Ермолаев А. Пикник на женевской обочине (о видимом и невидимом) / А. Ермолаев // Горизонты событий. – 2021. – Июль, № 3. – URL: <https://ziniy.com/newsstand/edition/709>
14. Скоркин К. Украина после эскалации. Как донбасское обострение изменило позиции Зеленского / К. Скоркин // Московский центр Карнеги. – 19 мая 2021 г. – URL: <https://carnegie.ru/commentary/84557>
15. Национальное стратегирование и человеческий капитал. Андрей Ермолаев // Культ личности. Руслан Бизяев. – 11 марта 2021 г. – URL: <https://newsvideo.su/video/14919764>
16. Haring M. What Was the Point of Zelensky's Visit Anyway? / M. Haring // The National Interest. – 3 september 2021. – URL: <https://nationalinterest.org/feature/what-was-point-zelensky%E2%80%99s-visit-anyway-193096>

17. Черный квадрат Карасева. Телеканал Наш. 01.06.2021. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=zauuWJxTBtk&t=1313s>

18. Тренин Д. Переоценка близости. Как России строить отношения с Украиной / Д. Тренин // Московский центр Карнеги. – 06.09.2021. – URL: <https://carnegie.ru/commentary/85272>

19. Скоркин К. Жестче прежних. Что означает новый тон Зеленского в отношениях с Западом / К. Скоркин // Московский центр Карнеги. – 07.09.2021. – URL: <https://carnegie.ru/commentary/85280>

20. Ермолаев А. Украина может поссорить США и ЕС! Зеленскому и Раде нужно понять главное / А. Ер-

молаев // Политека_онлайн. – 11 сентября 2021 г. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Y2hs2v2Owxs>

21. Статья Владимира Путина «Об историческом единстве русских и украинцев» // Сайт Президента России. – 12 июля 2021 г. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/66181>

22. Ємець В. Необходимость и направления преобразования социально-экономической и административной инфраструктуры Украины / В. Ємець // Strategic Group Sofia. – 30.08.2021. – URL: <http://sg-sofia.com.ua/neobhodimost-i-napravleniya-preobrazovaniya-socialno-ekonom-i-admin-infra>

*Воронежский государственный университет
Черникова Г. В., кандидат политических наук, доцент кафедры социологии и политологии
E-mail: galzhd@mail.ru*

*Voronezh State University
Chernikova G. V., Candidate of the Political Sciences, Associate Professor of the Department of Sociology and Political Science
E-mail: galzhd@mail.ru*